И. К. Стаф

ORCID: 0000-0003-3975-6617
✉ irina.staf@gmail.com
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

Из «Средства преуспеть» Бероальда де Вервиля (ок. 1616 г.)

Аннотация. «Средство преуспеть» — одна из самых необычных и одновременно характерных книг периода позднего Ренессанса во Франции. Книга строится как вселенский диалог, в котором участвуют около 400 приверженцев Мудрости из самых разных эпох, однако их хаотичные реплики, рассуждения и забавные истории никак не связаны с фигурой говорящего, а иногда и с каким-либо субъектом речи, возникая как бы из ниоткуда. Беседа развивается по принципу кок-а-лана, нарушая все правила логики, риторики и грамматики. Бероальд воспроизводит античную модель философского застольного диалога в том ее изводе, который получил распространение во Франции конца XVI в. под влиянием норм «учтивой беседы», сформулированных в одноименном трактате Стефано Гуаццо (1574), и результатом которого стал своеобразный феномен «пестрых рассказов и речей» (произведения Н. дю Фая, Н. де Шольера, Гийома Буше). Книга, уподобленная осколкам «философского камня», пародийно преодолевает и высмеивает на уровне поэтики любую возможность почерпнуть из нее некую единую доктрину и отрицает самое себя как носительницу высшей мудрости, учености и практической пользы.

Ключевые слова: французская литература, Ренессанс, барокко, гуманизм, книга, диалог, С. Гуаццо, «пестрые рассказы», пародия, кок-а-лан

Для цитирования: *Стаф И. К.* Из «Средства преуспеть» Бероальда де Вервиля (ок. 1616 г.) // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 311–324. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-311-324.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2020 г.
Принято к печати 28 марта 2020 г.

© И. К. СТАФ

I. K. Staf

ORCID: 0000-0003-3975-6617
✉ *irina.staf@gmail.com*
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science (Russia, Moscow)

From *Le Moyen de parvenir* by Béroalde de Verville (circa 1616)

Abstract. The *"Moyen de Parvenir"* (The Way to Attain) is one of the most unusual and at the same time characteristic late Renaissance works in France. The book is built as a universal dialogue, which involves about 400 adherents of wisdom from different eras, but their chaotic remarks, reasoning and funny stories have nothing to do with the figure of the speaker, and sometimes even with any subject of discussion, appearing as if from nowhere. The conversation develops on the principle of *coq-à-l'âne*, breaking all the rules of logic, rhetoric and grammar. Béroalde reproduces the ancient model of philosophical table dialogue (talk) in a version which became widespread in France at the end of the 16th century under the influence of the norms of "civile conversation" formulated in Stefano Guazzo's treatise of the same name (1574), and the result of which was a peculiar phenomenon of "bigarrés stories and speeches" (works by Noël du Fail, Nicolas de Cholières, Guillaume Bouchet). The book, likened to fragments of the "philosopher's stone", emerges literally from nowhere and therefore cannot have an author, publisher or other attributes that fix it in a certain time and space. It overcomes parodically and ridicules at the level of poetics any possibility to draw from it a single doctrine and denies itself as a bearer of higher wisdom, scholarship and practical usefulness.

Keywords: French literature, Renaissance, Baroque, Humanism, book, dialogue, S. Guazzo, "contes et discours bigarrés", parody, coq-à-l'âne

To cite this article: Staf, I. K. (2020). From *Le Moyen de parvenir* by Béroalde de Verville (circa 1616). *Shagi / Steps, 6*(3), 311–324. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-311-324.

Received March 2, 2020
Accepted March 28, 2020

© I. K. STAF

«Средство преуспеть. Сочинение, содержащее причину всего, что было, что есть и что будет, с верными и непреложными изложениями согласно сопряжению воздействий добродетели» — одна из самых необычных[1] и вместе с тем характерных книг конца эпохи Ренессанса во Франции. Изданная анонимно, она имела большой успех (до середины XX в. вышло около 40 переизданий), но лишь в 1757 г. на ее титульном листе появилось имя автора — Бероальд де Вервиль[2].

Франсуа Ватабль Бруар (15.IV.1556, Париж — X.1626, Тур), прославившийся под именем Бероальд де Вервиль[3], сын богослова-протестанта, гебраиста Матье Бруара, учился вначале в парижском коллеже отца, который привил ему интерес к самым разным наукам, от истории до математики, затем изучал ювелирное и часовое дело в Базеле, геральдику в Женеве, возможно, там же защитил диссертацию по медицине, постигал тайны алхимии — иначе говоря, «желал обозреть все науки и сделался поэтом, грамматиком, философом, математиком, медиком, химиком, алхимиком, историком, архитектором» [Niceron 1736: 225]. Вернувшись во Францию и перейдя в католичество, он пытался жить литературным трудом, работал для разных издателей — ему, в частности, принадлежит литературная обработка перевода «Дианы» Х. де Монтемайора и перевод-толкование «Гипнэротомахии Полифила» Ф. Колонны — писал стихи, романы, трактаты[4]… В 1593 г. Бероальд был назначен каноником собора св. Гатиана в Туре, где и оставался до самой смерти, выпустив немало сочинений, среди которых самый популярный его сентиментальный роман «Приключения Флориды» (1592–1601) и книга в духе «Опытов» Монтеня «Дворец любопытных» (1612), последняя, подписанная его именем; именно она служит основным источником сведений о биографии и взглядах автора.

Название «Средство преуспеть», прозрачно намекающее на сходство произведения с философским камнем (подобно камню, оно призвано дать средство достичь богатства и величия), пародийно отсылает к заглавию трактата Бероальда «О Мудрости, книга первая. В каковой излагается Средство преуспеть в совершенном благополучии» (1593). Книга строится как гигантский, поистине вселенский диалог, в котором принимают участие около 400 приверженцев Мудрости, принадлежащих к самым разным эпохам, — от Александра Великого, Марии Магдалины, Демосфена, Плутарха, Сократа до Эразма, Рабле и самого Бероальда — однако многие из них безымянны и возникают лишь на миг. Их обрывочные реплики, рассуждения и забавные истории распределены произвольно, никак не связаны с фигурой говорящего (за исключением разве что Па-

[1] Л. Сенеан именует ее даже «самой странной книгой, какая известна в литературе» [Sainéan 1927: 99].

[2] Споры о принадлежности «Способа преуспеть» Бероальду продолжались вплоть до середины XX в.: сочинение приписывали Анри Этьенну (Ш. Нодье, Ж. Д. Блавиньяк), Бенуа Дю Тронси (Г. Брюне), Рабле (П. Лакруа), анонимному автору, переработавшему материалы Бероальда (Л. Сенеан) и т. п. Однако уже в XVII в. большинство литераторов, писавших о «Способе…», атрибутировали его Бероальду.

[3] Фамилия «Бероальд», по-видимому, отсылающая к имени знаменитого итальянского гуманиста Филиппо Бероальдо, была взята отцом Франсуа по настоянию его родственника и воспитателя, теолога Франсуа Ватабля. По смерти отца Франсуа наследовал это имя, добавив к нему «для пышности» название городка Вервиля, где одно время жил его отец и он сам.

[4] О произведениях Бероальда см.: [Saulnier 1944; Чекалов 2001: 96–152].

рацельса), а зачастую и вообще с каким-либо субъектом речи, возникая как бы из ниоткуда. Хаотичная беседа, развивающаяся по принципу кок-а-лана, нарушает все правила не только логики и риторики, но и грамматики. Книга поделена на 111 глав, однако это деление (как и их названия, возникающие иногда посреди фразы) не имеет никакого отношения к их тематике: если глава 13 озаглавлена «Заключение», то заключительная — «Краткое содержание» («Argument»). В аламбике пародийного барочного симпосия смешиваются в намеренном беспорядке обрывки гуманистического знания (автор не устает повторять, что «эта книга — средоточие всех книг»), поговорки, новеллы, толкования «общих мест», непристойные остроты и т. п., оставляя читателю безграничный простор для интерпретаций. По словам Ш. Сореля, в «Средстве…» содержится «великий секрет — читай его хоть с одной стороны, хоть с другой, найдешь столько же порядка, как если б читал его от начала и до конца ‹…› Если смысл окажется поврежден, либо пропустим мы добрый десяток строк, то и самый искусный философ в мире того не заметит, ибо смысла нет нигде. Вот в чем величие *Средства преуспеть*: нет в мире второй книги, имеющей свойство быть столь совершенной, что никто не в силах у нее это совершенство отнять» [Sorel 1628: 792–794].

Бероальд воспроизводит модель философского застольного диалога-беседы (платоновского «Пира» и «Застольных бесед» Плутарха) в том ее изводе, который получил широкое распространение во Франции конца XVI в., соединившись с представлением об «учтивой беседе», сформулированным в крайне популярном одноименном трактате итальянского литератора Стефано Гуаццо (1574). Характеристика Бероальда-писателя, которую дает в своих «Мемуарах» Ж.-П. Нисерон — «говорун-метафизик на всякого рода темы, любитель представляться при любой возможности знатоком самых потаенных секретов природы» [Niceron 1736: 224], — парадоксальным образом повторяет описание идеального участника беседы у Гуаццо: «…более всех угодны ‹…› в разговоре те, кому Бог даровал благодатное умение складно и без промедления рассуждать о чем угодно, ибо ‹…› они подают невероятное утешение душам нашим разнообразием знаний» [Guazzo 1574]. Тяга к беспорядочному нагромождению малых форм, сочетание фрагментов гуманистической учености с площадным комизмом и игрой слов отличает целый ряд произведений второй половины XVI столетия — сборники Ноэля дю Фая, Николя де Шольера, Гийома Буше, которые в истории литературы принято обозначать термином «пестрые рассказы и речи» (*contes et discours bigarrés*). Бесспорно и влияние на Бероальда — как и на создателей «пестрых рассказов» — двух последних книг романа Рабле: стилистика «вводной» части «Средства…» прямо ориентирована на прологи Алькофрибаса Назье, подготавливая читателя к погружению в прихотливый, ветвящийся поток странных речей, напоминающих знаменитые оттаявшие слова из Четвертой книги «Гаргантюа и Пантагрюэля». Это впечатление подкрепляется и презентацией текста. Членение на абзацы, делающее его более удобным для чтения, появляется лишь в изданиях XVIII в.[5]; в первых изданиях читатель оказывался перед мозаикой главок-фрагментов, где реплики не отделены одна от другой, а всплывающие там и сям имена собеседников растворяются в сплошном массиве текстовой «монады».

[5] Нумерация глав принята лишь в некоторых современных изданиях.

Считается, что каноник Бероальд выпустил свою книгу анонимно по цензурным причинам. Но каковы бы ни были реальные обстоятельства, побудившие его к этому шагу, значение его гораздо шире. Анонимность отвечает самой природе «Средства преуспеть», которое предстает «книгой книг», вобравшей в себя весь запас мудрости от античности до современной эпохи[6]. Более того, на титульном листе первых изданий не значилось ни издателя, ни года издания — вместо них стояло лишь «отпечатано в году сем»[7]. Подобно «Пантагрюэлеву предсказанию на всякий год» Рабле, книга Бероальда располагается не в историческом времени, но в длящемся настоящем, в «здесь и сейчас» — т. е. в вечности, где пребывают ее именитые персонажи. Она возникает буквально ниоткуда и потому не может иметь автора, издателя и прочих атрибутов, закрепляющих ее в определенном времени и пространстве. Она сакральна — как Юпитерова Книга судеб из первого диалога «Кимвала мира» (1538) Бонавантюра Деперье, доставленная Меркурием на землю и украденная мошенниками, которые извлекают из нее немалую прибыль. Недаром Бероальд предостерегает читателей от гнусных еретиков, которые, завладев подобным сокровищем, «станут вам его продавать по экю за букву в не базарный день, а в базарный и до пятидесяти экю» (гл. 12, «Vidimus»). Эта комическая боязнь профанации сакрального знания (книга в конечном счете подается именно как средство «озолотиться»: в этом ее главное сходство с философским камнем) успешно преодолевается на уровне поэтики. Ибо из 111 осколков литературного «философского камня» — еще одна аналогия с «Кимвалом мира», на сей раз со вторым диалогом, где алхимики разыскивают в песке крошки камня, — не складывается и принципиально не может сложиться никакой единой «доктрины», кроме той, которую провозглашает в своих «Новых забавах и веселых разговорах» тот же Деперье: *bene vivere et laetari*, хорошо жить и веселиться. Книга как носительница высшей мудрости, учености и практической пользы отрицает сама себя.

Перевод избранных глав выполнен по изданию [Béroalde de Verville 2006].

1. Вопрос I

Ибо[8] было это во время, в столетие, в индиктион[9], эру, хиджру, седмицу, пятилетие, олимпиаду, в году, в срок, в месяце, неделе, в день, час, минуту и в самый миг, когда волею и ходом демона сфер мячи твердые выпали из доверия, а на их

[6] О глубинной связи анонимности с поэтикой «Средства…» см., в частности: [Fanlo 2013].

[7] Скорее всего, первое издание вышло из парижской печатни Анн Соваж, вдовы Гиймо, см.: [Kenny 1992].

[8] Неуместное в начале книги слово «ибо» (*car*) встречается в «Средстве преуспеть» единственный раз. В середине XVII в., когда во Французской Академии возникло намерение, следуя придворной речи, изъять его из словаря, разгорелся так называемый спор о *car*. В защиту слова выступили, в частности, В. Вуатюр, назвавший его «речением, всегда выступающим во главе Разума» [Voiture 1659: 131], и сам барон де Вожла, один из учредителей Академии [Vaugelas 1690: 446–452]. Любопытно, что в «заметке» о *car* Вожла упоминает некое сочинение, автор которого также употребил это слово единственный раз, по недосмотру.

[9] 15-летний (индиктовый) цикл летосчисления, официально введенный в Римской империи в 312 г. императором Константином.

место в посрамление благородной древности, премило в них игравшей, выскочили мячики мягкие[10].

Да помутится ум всех этих придумщиков нового, что портят молодых и чинят сумятицу в играх наших супротив добрых обычаев! Не в игре ли распускается душа, являя понятия свои? Хотя бы сам дьявол играл с вами, ему не притвориться — покажет рога. Но что значит играть? Это услаждаться без дурной мысли. Много бед случилось по причине той перемены, замутит она ясный смысл историй и скособочит всю карту мира. Глядите, сколько уже произошло от нее смут, войн, мора, стыдных хвороб и этаких сладких ужимочек, что злостно щекочут людей до смеху. Несть счета мудрецам, что судят наперекосяк, приписывая сии следствия иным причинам, каковы: изъятие десяти дней[11], с коих пор виноград давят когда придется; размножение ересей, отчего горбам теперь не разгладиться; мятежи знати, от коих девочки повадились в монастыри, а отцы семейства — в таверны; повышение тальи[12], ввиду коего старики только и знают, что ворчать, — и с три короба прочих глупостей, каковым я не сторож, ведь не пристало мне к вам приставать.

Так вот, в отменный сей период случилось известное вам, и клянусь вам клято, что все чистая правда. А станете наседать, навешу вам три-четыре фонаря, шитых багрецом, и клясть буду по-мужски — либо попрошу соседа клясть за меня, как сделал сир Гийом, когда судья велел ему поклясться, а он отвечал: «Сударь, клясть я не мастак, ибо не учился и на войне не бывал, я не доктор, не солдат и не дворянин, а вот есть у меня брат, он станет клясть заместо меня».

Итак, было в сей сезон объявлено и возглашено из всех колоколов, труб, дудок и рогов — сами выбирайте, что вашей желчи годно, — криком, рыком и с философическим пшиком, дабы всякая душа, Софии[13] присягнувшая, явилась в означенное место, по велению и принесенной клятве, как водится в делах важных, по благословенному обычаю мудрецов. В заверение чего все чада знания возложили руку на символ сознания, и тем исполнились мы все решимости сойтись у духовного нашего папаши, ведь велено было так и решено на всякий пожарный, фонарный, базарный, ударный, товарный и коварный, а отступникам достанется на орехи и скорлупки, по ядрам и по шарам.

На сей призывный раскат поспешили я собраться[14]; ведь ручались мы для того собрать себя вместе, к тому ж я в том поклялись, — а надобно вам знать, что несобранность великим считается у нас грехом по той причине, что следуем мы единственно правилу исправно держать слово. Но даром что переходит заповедь

---

[10] Вероятно, аллюзия на создание в 1610 г. корпорации игроков в жё-де-пом, ставившей своей целью пресечь многочисленные нарушения правил, в частности, набивание мячей камнями.

[11] То есть переход от юлианского календаря к григорианскому, введенному папой Григорием XIII 4 октября 1582 г. Ср. у Монтеня: «Года два или три тому назад во Франции календарный год сократили на десять дней. Сколько перемен должно было последовать за этой реформой! Казалось, и земля, и небо должны были бы перевернуться. Однако же ничто со своего места не сдвинулось…» («Опыты», кн. III, «О хромых»).

[12] Талья — основной прямой налог в средневековых Франции и Англии.

[13] Божественной Мудрости (от греч. Σοφία).

[14] Эта грамматическая неправильность (сочетание в первом лице местоимения 1-го л. ед. ч. с глаголом мн. ч.) у Бероальда — пародия на изыски парижской речи. Ср. начало главы 45 («Текст»): «Затем что были я внимательны: — Кто мы? — Я знаем. Я живем. — Что мы жуем? — Что маем. — А что маем? — Я маем, что маем. — Жуем, что маем? — Коль я не маем, берем. — Тьфу, пропасть! эти парижане меня с ума сведут».

у честных людей от отца к сыну, перетекает у женщин порядочных от матери к дочери, а у церковников — от дяди к племяннику (заповедь, говорю я как чистой воды проповедник), что давать и держать есть все, что благородный человек делать может, и подобает сие лишь урожденным от белой кости и голубой крови, есть тут бадья вранья, скажу вам столь же честно, как Кочеток господину судье, хозяину своему. Был он виночерпий, и пили мы от души и до дна. Я говорил, что в вине осадок, хозяин же уверял, что это не подонки. Мадам спросила: «Что ж, виночерпий, кто судит верно?» — «Ха, — отвечал тот, — судье ли не знать толку в подонках». Обещать легко, да исполнять трудно. А держать вовсе просто: делай, как сеньор нашего прихода, — ни в чем не отказывай, а давай и того меньше.

4. Аксиома

Слушайте же, милые души и душки, что пришли пососать черенки золотой ветви[15] да вкусить познания: мы, те, что говорим, в нашем времени пребываем, в нем мы есть, его держимся и в нем живем — коли не ошибаемся, — а люди былых времен жили по большей части в своем веке, как мы в нашем, а вы в вашем. А оттого, что люди мы непростые, ассамблея наша расшита была звуками старинными и новыми изящных речений, а сошелся здесь самый именитый, многоученый и почтенный сенат, какой когда-либо был и будет на свете. И впрямь, слава древней памяти деяний да уборы детства и иных возрастов времени служили только поволокой конгрегации нашей, облекая ее глазурью мудрости, в повсюдном сиянии коей достигали мы триумфа. Мадам, единственная из мудрейших, зеница разумений и образец совершенства — извольте признать ее по эпитетам сим и нечего нас больше спрашивать, кто она такая, — чествовала нас и принимала к великому своему удовольствию и усладе, без коих дамы сроду не сделают ничего, сколь бы ни подстрекала их страсть к знанию.

5. Видение

Собрались мы, и все было готово, и вино в бутылях купалось в холодной воде, освежалось — обойтись с ним иначе значило бы пить впопыхах, ведь жажда есть позыв к холодному и влажному…

О! сколь пагубно для тела и души — для тела из-за горячки, для души по причине горячности — иметь дело с теми несчастными, что пьют его теплым! Хуже фарисеев, зане лгут в глаза. Помните, каковы два вида дураков… Вот холера! у меня это вырвалось, я думал сказать «должников». Впрочем, затевать тяжбу не стану. Скажу, как наш старый кюре в одной проповеди: «У кого и домашние туфли шлепают да распевают “Вступись в тяжбу мою…”[16] Кто за тебя должен тягаться? Забирай свое тягло и нечего тут шляться!» Итак, эти умом мутные от рацей мужицких сроду не спросят холодненького и не стребуют добавки, коль плеснули им мало либо слили остатки, но принимают все разиня рот, ровно вороны. Боятся просить вина получше или того, что пьет хозяин, довольны тем, что принесет невежа-слуга. Эй! тупая скотина, жирная дубина, неразумная животина! во

[15] Вергилий, «Энеида», кн. VI. Золотая ветвь как символ знания фигурирует, в частности, в трактате Жоффруа Тори «Цветущий луг» («Champfleury», 1529), сыгравшем огромную роль в спорах о национальном языке во Франции.

[16] Пс. 42:1: «Суди меня, Боже, и вступись в тяжбу мою с народом недобрым».

что ставишь ты бессмертное свое нутро, коль не боишься орошать его скверной? А иные господа, разумные и с понятием, иначе почетные либо почтенные глупцы, явившись к какому сеньору иль торговцу, заведя перво-наперво речь о погоде — будто кто не знает, жара на дворе или холод, — и высыпав все, что знают и не знают, встают на месте столбом безгласным, следят узоры затейных своих фантазий и, загнав себя в силки скуки, не решаются распрощаться и уйти, дабы не докучать людям, но за-ради приличий торчат до тех пор, покуда какая перемена не избавит их от дурости, какую они сторожат.

Ей-богу, отрадно было видеть нас и приятно слушать, но того лучше — глядеть на бутылки в строю. О, сколько познаний почерпнете вы в них! Глупцов, что встают в строй, берут в плен, одно расстройство. Дивное различие! Бутылка в строю не пленница, но сама держит в плену пленительное вино. Увы мне! бедное вино, где ты? Заберите, прошу, у меня бутылки, ведь они так легко бьются; заведите добрые сосуды, дабы их посредством отыскать истину, подобно Демокриту, каковой — да-да! — обрел ее на дне колодца[17]. Царь повелел вырыть колодец, что сообщался со старым карьером, куда Демокрит нередко хаживал освежиться. В колодце том охлаждалось царское вино. Прознал о том Демокрит, ибо еще не ослеп, преспокойно забрал доброе вино, что покоилось в сосудах в колодезной воде, и счел, что воистину вино куда лучше воды.

Мистическою жизнью жили мы. Сосуды наши были серебряные, живые и полные истинною их душою, ведь без вина они суть тела неодушевленные. Выстроены были они должном порядке, по достоинству, точь-в-точь вирши Сивилл[18], таящие под святою своей тарабарщиной сладчайшие суждения о грядущем благе. Но скажите, господин наш и наставник, ведающий, что хлеб древнее вина, отчего бывает, что хлеб во рту болтается долго там и сям, покуда отыщет в поле дорогу, а вино найдет ее немедля? Таинство сие вашей религии неведомо: оттого, что в пинте вина ума больше, чем в буасо[19] зерна. Да ладно, скажете вы, вода так же умеет. Ох, дружок мой милый, сиволапый, вода — сущая безумица! Ниспадает сверху вниз, бежит по улицам и сводит с ума тех, кто ее любит. Так рассудите сами, прелесть моя, что почтеннее: чтоб вас ославили пьяницей или полоумным? Что, съел, колпак? Предупреждаю, ученые бражники, затыкайте бутылки, будете пить без тычка без задоринки.

Какова, по-вашему, причина Троянской войны, осады Вавилона, падения Фив, прихода антихриста и прочих бед, коими развлекают нас правдивые и лживые истории? Разбитые бутылки да разлитое вино. Сказать по правде, пролитое вино не стоит и капли чистой воды, чтоб умыться из дырявой миски. И оттого, что никто не дерзнул просторечьем осквернить сие достойное и высокое знание, о нем умалчивали, а добрых людей — не сведущих в тайных таинствах вина, как мы, философы, — обводили вокруг пальца в небо и приписывали беды сии всяким иным причинам, дабы запудрить вам мозги.

---

[17] Согласно Демокриту, истинная реальность находится «далеко в глубине», как бы в «глубоком колодце» [Лурье 1970: 220]. Выражение «колодец Демокрита» закрепилось в философии герметизма.

[18] Стихи, или Оракулы Сивилл — собрание пророчеств в 14 книгах (предположительно II–VI вв.), записанных гекзаметром иудеями Александрии и христианами. Некоторые из них толковались как аллюзии на пришествие Христа.

[19] Буасо — старофранцузская хлебная мера, 13 литров.

6. Пропозиция

Да-да, избавил я вас от трудов, коли вы на них способны, и укажу тех, кто обретался на сем достославном симпосии — поне назову кое-кого. Коли же кого не вспомню, отправлю вас за ними на кухню или куда еще: они там, подобно мудрецам греческим, играют в орлянку с пажами да лакеями.

Скажу вам, что пожаловал на пир Сократ и орудовал челюстями, как секачами… К слову, архидиакон наш прекрасно мог бы с ним поспорить: воистину, восседай он на коне не хуже, чем за столом, не нашлось бы лучше наездника во Франции! И того больше, служи он иль будь способен служить у алтаря столь же искусно, как у стола, заслужил бы стать папой!.. Что до Сократа, то занимали его лишь перемены блюд и, уверяю, любому готов он был отдать долг и все получить без расписки. Это он придумал заключать без вывода и выводить без заключения, а после обучил тому мессира Гийома Алого[20], он сам мне говорил. А потому Мадам приставила его блюсти приличия, на что тот учтиво согласился, оттого что собаку съел по части пропорций придворных реверансов и знатно изучил все виды подобий, церемоний, антимоний, диковин и штуковин, кои в обычае у потчующих друг друга почестями, входя и выходя, садясь и поднимаясь, встречаясь и проходя мимо…

Каюсь, что слово молвил, ибо иные наставники наши говорят, что не стоит во всякой речи попусту разевать рот, наипаче же употреблять слова, отведенные для некоторых людей и деяний. Свидетелем тому бедный монах, коего вешали за то, что нашли на поле брани: «Увы, государи мои, — сказал он, — зря я не поверил, что отпущено нам жить в охотку воли!» Не дерзнул он сказать «в свободе», дабы не приняли его за гугенота[21]. Кабы все так следили за своими речами, меньше было бы проигранных да подвешенных тяжб…

Явился Александр, бравый удалец, да такой хват, что всех орлеанских дам отхватил. Воистину был я рад, и мозг мой от того расцвел философически, словно нахлобучили мне утешение: ведь доносили нам, что он убит, — и мы о том ему сказали, а он давай смеяться да извиняться и поведал нам, что и впрямь бился с врагом, но убит не был, а в доказательство есть тому очевидцы. Отослал он нас к Афтонию[22], секретарю своему, каковой нам открыл причину его отсутствия, а была она в том, что он путешествовал, дабы поглядеть на всякого рода мудрецов, а добравшись до гимнософистов[23], гостевал у них с такою пользой, что вернулся ученым — ведь изобрел он, следуя их максимам, о-де-шосс[24] без гульфика — на-

---

[20] Гийом Алый — Гийом Маршан (ок. 1550 — ок. 1605), или мэтр Гийом, шут Генриха IV и автор ряда популярных памфлетов и бурлескных брошюр. Непременным атрибутом его гротескного одеяния было длинное красное платье [Savare 1969].

[21] Аллюзия на богословскую проблему свободы воли, в частности, на знаменитый спор между Эразмом Роттердамским и Лютером. Комизм ситуации в том, что именно Лютер выступал за несвободу воли.

[22] Афтоний Антиохийский — греческий софист, ритор и баснописец конца III — IV в.

[23] Гимнософисты — греческое название индийских мудрецов. О встрече Александра Македонского с гимнософистами в Пенджабе писал Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (Александр, 64–65), а также Страбон в «Географии», Арриан в «Анабасисе Александра» и Климент Алесандрийский в «Строматах».

[24] О-де-шосс — короткие штаны, которые надевались поверх шоссов, чулок-трико, изначально служивших также обувью. В Швейцарии и Венеции гульфики никогда не были в обычае: мужские штаны открывались сзади (ср. Рабле, «Гаргантюа», гл. XX, где такие штаны — *à la martingale*, по-мартигальски, от прованского города Мартиг, — названы «подъемным мостом зада»).

зло туркам и во благо венецианцам и швейцарцам. В свидетельство чему приводил он нам вывезенную оттуда прекрасную вещь — сеть для ловли ослов высшей пробы. Мы ничего не поняли, и тут вынул он из рукава и нам показал отменную и изящную святую фату, каковая в католическом смысле толкуется как «силки для рогоносцев».

Не забуду и великого нашего Бодена[25], каковой первым из смертных и вперекор всякому природному порядку, с отрадным искусством и великим изворотом ума средь бела дня и на глазах у всех снял мерку с дьявола и сшил ему одеяние, в коем он и доныне ходит, как мы видим. Да не обидятся древние! подобного, да и многих иных вещей, никогда они не умели и вовек не сумеют. Коли не верите, ступайте в ад, да найдите там черта, одетого по новой моде, да покажите мне живьем и в одежде, а потом спорьте. И это еще не все: ибо, исполнившись сострадания к уйме чертей-бедолаг, что доставляют точила служанкам, чтоб тем точить лясы на утренней мессе, наделил он их дивной выдумкой, извлеченной из древних архимедовых трудов, и сделал им защитные наколенники, так что черти отныне преклоняют колена, а прежде не преклоняли из боязни подбить глаза, каковые у них там помещаются. Вот что такое люди великого умения, духом и умом великие, как изъясняется Дю Эйян[26] в «Карле Великом»! О славное удобство, счастье дьявольское!

Пифагор у нас глядел молодцом. Походил он на старого судейского из Шатле с бородою щипача — хотел я сказать, с ощипанной бородою; еще знавал он постылые порки благоразумия — говорили о том беспардобные[27] шрамы скромности, приметные по рубцам вероломности. Это он в книге «Изобретений»[28] нарек свободно и без страха еретиками отлучаемыми, как экю с солнцем[29], едоков капусты ложкой.

Плиний прибыл по прибыли почестей, ему положенных: говорят, прошел он на спор под всеми мостами Рима. Человек он достойный и стоящий, первым придумал почитать мочой чужие стены.

Пока стоял приветственный гул, взошел славный Демосфен… «Я все в сборе», — сказали мы; оттого возрадовались я весьма, поелику непременно я узнаем много доброго, раз он с нами. Войдя, пустился он рассуждать и нас научил, кто есть человек порядочный, согласно определению Талмуда: «Порядочный человек есть тот, кто зад, опорожнившись, подтирает подтиркой, держа оную левой рукой». Аристотель с досады, что не нашел столь прекрасного определения, утопился[30], сокрывши от него определение порядочной хозяйки, каковое, как указал

---

[25] Жан Боден (1529 или 1530 — 1596) — знаменитый французский философ, политик и юрист, автор «Шести книг о государстве» (1576), трактата «О демономании колдунов» (1580) и др.

[26] Бернар де Жирар, сеньор дю Эйян (1535–1610) — историограф Карла IX и Генриха III, автор «Общей истории королей Франции от Фарамонда до Карла IX» (1576), первого полного свода французской истории на национальном языке.

[27] В оригинале *morbolisantes*, выдуманное слово (от франц. *morbide* ‘болезненный, мрачный’).

[28] Комическая отсылка к трактату итальянского гуманиста Полидора Вергилия (1470–1555) «Об изобретателях вещей» (De Rerum inventoribus libri octo, 1546).

[29] При Генрихе III наряду с золотым «экю с солнцем» (т. е. с изображением солнца над короной) начали чеканить приравненную к нему серебряную монету.

[30] Согласно легенде, Аристотель утопился в проливе Эврип, отделяющем остров Эвбею от Беотии, впав в отчаяние из-за невозможности разгадать природу приливов и отливов.

Чириако Строцци[31], заключено в его «Экономиках»: «Порядочная хозяйка есть та, кто, подтерев зад, бумагу сложит в поясной мешочек, сохранив ее на другой раз или на обертку засахаренных фруктов для прелестниц».

Теперь ничто нам не грозит: мы все на месте, ибо папаша Рабле уже внутри. Кто явится позже, для тех задняя дверь — позднему гостю парша да кости! Ну, засранец, что скажешь? А я скажу: кто веселится нашим дурачествам, подобны врачам, что разглядывают да расклевывают испражнения других, таких же, как мы, тетерь, хоть и не любят, чтоб называли их индейскими петухами да курами Бреда. Храни Бог всех петушков, цыпочек и цыплят, аминь! Да считайте прилежно дни, оттого что ровно через двести три года, десять месяцев, семь дней, девятнадцать часов, сорок минут и три секунды Великий Стеганографик[32] наново переложит книгу сию по причине смены веры.

Всяк, усевшись согласно парафразе достоинства своего, погрузил в сон свою славу, дабы сохранить место, равное у всех до самых подметок. И каждый, распустив перья скромности, разместил особу свою согласно памяти о былом своем положении. Разве что кардинал Кузанский, оказавшись обок Яна Гуса[33], так хохотал, что едва не вычихал всю репутацию свою. И оттого немного спятил, но ни крошки бесчестья не уронил на прочих кардиналов, да и пастора ни одного не принизил.

И оттого, что намеренность судит всех и обо всем, избрали мы Благонамеренность восседать во главе стола в судейском платье. Мы же были пред ней, дабы выказать умы наши. Потому и я там был и сидел не хуже других, раз у меня есть зад, — а без зада никто б и не заседал меж почтенных людей.

11. Последняя пауза

Итак, двинемся к заключению — и знайте все вы, кто узрит драгоценные сии реликты сокровищ мира, что должно вам держать сие творение в чести; а коль недостанет вам сил держать, тащите его туда, или толкайте, или катите, либо уложите в благоговение. Глядите же, чтоб чести той честно перепало поровну всем скромным многоученым людям, каковые сидят на пиру, ровно рождественские гуси на откорме; и не думайте, что сей симпосий и философический ужин — одна насмешка: достовернее его не бывало на свете, все предметы да приметы, теоремы да проблемы и другое всякое было на нем обсуждено, решено, обнаружено, изложено и с совершенным тщанием разобрано, поелику были они там обгово-

[31] Чириако Строцци (1504–1565) — итальянский гуманист, философ, математик и архитектор, автор комментариев к Аристотелю. Прославился написанными им по-гречески и по-латыни IX и X книгами «Политики» (1562), которые в последующие два столетия включались в аристотелевский корпус.

[32] Термин «стеганография» (способ передачи информации, при котором сам факт передачи держится в тайне) был введен немецким аббатом-бенедиктинцем Иоганном Тритемием в одноименном трактате (ок. 1499, опубл. 1606). Под «Великим Стеганографиком» имеется в виду Бог, который, согласно французскому криптографу и алхимику Блезу де Виженеру, дал Моисею скрижали, «писанные столь темными и путаными буквами, что можно было их читать во всех направлениях ‹…› они суть истинная Стеганография» [Blaise de Vigenère 1586: f. 132 r°). Бероальд назвал «Стеганографическим собранием» предисловие к своей обработке «Гипнэротомахии Полифила» Франческо Колонны.

[33] Николай Кузанский (1401–1464), крупнейший немецкий теолог и философ-неоплатоник, был кардиналом Римской католической церкви, папским легатом и генеральным викарием Папской области. Ян Гус (1369–1415), проповедник и идеолог чешской Реформации, был сожжен в Констанце как еретик.

рены, ошкурены, очищены, во все стороны повернуты и поняты, притом со всей учтивостью, какой взнузданы были господа пирующие, кои, однако, слыли, слывут и будут слыть учеными и мудрыми, — впрочем, все пребывали они в столь здравом уме, что не преминули с него соскочить; чего и вам желаю, аминь!

Глядели они во все глаза, словно собаки, ищущие блох. За три су укрепили разум свой на целый ливр, возведя в нем за бесценок аркбутаны[34] памяти. Друзья наши и вся прекрасная и премудрая компания восседали посреди залы рядком, да тем же порядком и способом, каким чествовала царица Савская своих принцев в Мероэ[35], когда пришла ей охота показать свою мудрость. Когда б увидели вы сей люд в столь распрекрасном порядке, сказали бы и решили, что пред взором вашим славная конгрегация, радостная и святая, будто шайка прелатов.

И чем занималось столько честного досужего народу? И впрямь, что мы там делали? Говорили, ели, пили, шикали, умолкали, шумели, возражали, сходились, смеялись, зевали, внимали, спорили, плевали, сморкались, удивлялись, изумлялись, восхищались, трунили, бубнили, слушали, путали, разъясняли, препирались, соглашались, поднимали кубки, кутили, примечали, трепыхались, толкались, тихо кричали, во весь голос молчали, насмехались, бурчали, догадывались, спохватывались, удовольствовались, бездельничали, сомневались, опасались, поумнели, сделались, преуспели.

Что же из того вышло? Вышел сей ученый монумент, сей ценнейший мемориал, сей веселый свод совершенства, сие лекарство от всякой беды, сие точило обходительности, сие средство преуспеть, неповторимый бревиарий решений окончательных, всеобщих и частных; чтоб ему перечить, не может быть речи, бессильны против него любые гиперболы и обвинения в лживости. Посмейте только сказать, что у вас они есть, змеи подколодные, все бы вам реформировать да регулировать! Вы же, приспешники истинных кардинальных добродетелей[36], ненавистные праздности, те, кому более по нраву забавляться питием, нежели дурными мыслями да бесполезной тратой времени, имейте в виду: хватайте доброе сие сочинение — «сочинением» именуется оно потому, что нет в нем ни капли бесчинства, а полно оно одной лишь истиной, как прекрасный стакан добрым вином. Стакан и том в том сходны, что оба имеют объем, — у стакана, правда, он невелик, словно эпитома тома, а объемистый том есть благословенная сорокаведерная бочка. У кого отличные обширные библиотеки полны подобных томов, тот весь мир сделает *victus*[37], сколь бы тот ни был учен.

Перевод с французского и примечания ***И. К. Стаф***

---

[34] Аркбутан — наружная каменная полуарка, опора в готическом соборе.

[35] Согласно Иосифу Флавию («Иудейские древности», II.10.2) и Страбону («География», XVII.I.5), Камбиз II, захватив в VI в. до н. э. древний нубийский город Саба (Сава), столицу легендарного царства, переименовал его в Мероэ в честь своей умершей жены (или сестры). Эпизод с чествованием царицей своей знати отчасти перекликается с одной из сур Корана, «Ан-Намль» («Муравьи», 27:24–35).

[36] Учение о четырех кардинальных христианских добродетелях — мужестве (*fortitudo*), справедливости (*iustitia*), умеренности (*temperantia*) и благоразумии (*prudentia*), — восходящее к Амвросию Медиоланскому, получило наиболее полное развитие в «Сумме теологии» Фомы Аквинского.

[37] *Victus* (лат. «побежден») — формула схоластического диспута, которой один из школяров признает себя побежденным.

Источники

Béroalde de Verville 2006 — *Béroalde de Verville*. Le Moyen de parvenir / Ed. établie et annotée par M. Renaud. Paris: Gallimard, 2006.

Blaise de Vigenère 1586 — *Blaise de Vigenère.* Traicté des chiffres ou secretes manieres d'escrire. Paris: Abel l'Angelier, 1586.

Guazzo 1574 — *Guazzo S.* La Civil conversazione [1574] // Biblioteca Italiana. URL: http://www.bibliotecaitaliana.it/testo/bibit000235.

Niceron 1736 — *Niceron J.-P.* Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la république des lettres, avec un catalogue raisonné de leurs ouvrages. T. 34. A Paris: chez Briasson, libraire, 1736.

Sorel 1628 — *Sorel Ch.* Berger extravagant. Ou parmy des fantaisies amoureuses l'on void les impertinences des Romans & de la Poësie. Troisiesme partie. Paris: Toussainct de Bray, 1628.

Vaugelas 1690 — *Vaugelas C. F. de*. Nouvelles remarques de M. de Vaugelas sur la langue françoise. Ouvrage posthume / Avec des Observations de M.***, Avocat au Parlement. Paris: G. Desprez, 1690.

Voiture 1659 — *Voiture V*. Les lettres de M[r]. de Voiture. Amsterdam: Chez Jean de Ravensteyn, 1659.

Литература

Лурье 1970 — *Лурье С. Я*. Демокрит. Л.: Наука, 1970.

Чекалов 2001 — *Чекалов К. А.* Маньеризм во французской и итальянской литературах. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001.

Fanlo 2013 — *Fanlo J.-R.* L'anonymat dans le *Moyen de parvenir* de Béroalde de Verville // Littératures classiques. No. 80. 2013/1. P. 297–307.

Kenny 1992 — *Kenny N.* Le Moyen de parvenir: The Earliest Known Edition, Its Date and the Woman Who printed it // Studies on Béroalde de Verville / Ed. by M. J. Giordano. Paris; Seattle; Tübingen: Papers on French Seventeenth Century Literature, 1992. P. 21–41.

Sainéan 1927 — *Sainéan L*. Problèmes littéraires du seizième siècle. Le Cinquième livre. Le Moyen de parvenir. Les Joyeux devis. Paris: E. de Boccard, 1927.

Saulnier 1944 — *Saulnier V.-L.* Etude sur Béroalde de Verville. Introduction à la lecture du *Moyen de parvenir* // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Vol. 5. 1944. P. 209–326.

Savare 1969 — *Savare J*. Maître Guillaume, fils d'apothicaire et bouffon de roi (XVII siècle) // Revue d'histoire de la pharmacie. No. 202. 1969. P. 401–410.

References

Chekalov, K. A. (2001). *Man'erizm vo frantsuzskoi i ital'ianskoi literaturakh* [Mannerism in French and Italian literature]. Moscow: IMLI RAN; Nasledie. (In Russian).

Fanlo, J.-R. (2013). L'anonymat dans le *Moyen de parvenir* de Béroalde de Verville. *Littératures Classiques, 80*, 297–307. (In French).

Kenny, N. (1992). *Le Moyen de parvenir:* The earliest known edition, its date and the woman who printed it. In M. J. Giordano (Ed.). *Studies on Béroalde de Verville*, 21–41. Paris: Papers on French seventeenth century literature.

Lur'e, S. Ia. (1970). *Demokrit* [Democritus]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Sainéan, L. (1927). *Problèmes littéraires du seizième siècle. Le Cinquième livre. Le Moyen de parvenir. Les Joyeux devis*. Paris: E. de Boccard. (In French).

Saulnier, V.-L. (1944). Etude sur Béroalde de Verville. Introduction à la lecture du *Moyen de parvenir*. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 5*, 209–326. (In French)

Savare, J. (1969). Maître Guillaume, fils d'apothicaire et bouffon de roi (XVII siècle). *Revue d'Histoire de la Pharmacie, 202*, 401–410. (In French).

* * *

Информация об авторе

Ирина Карловна Стаф
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
✉ *irina.staf@gmail.com*

Information about the author

Irina K. Staf
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str., 25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
✉ *irina.staf@gmail.com*